

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериал «Амалия —
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званный ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями

Аквамариновое танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена
Снежная роза

Сериал «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ФИАЛКОВОЕ ЗЕЛЬЕ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Вербинина, Валерия.
В31 **Фиалковое зелье : [роман] / Валерия Вербинина.** — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110031-5

Секретному агенту особой службы Полине Серовой дали ответственное поручение — она должна узнать, что скрывается за исчезновением письмоводителя из российского посольства в Вене. Почему мелкий чиновник привлек к себе столько внимания? За этим незначительным на первый взгляд событием может таиться серьезная угроза интересам Российской империи... Министр внутренних дел даже отправил двух других агентов, призванных отвлекать внимание от расследования Полины: утонченного Владимира Гиацинтова и силача Антона Балабуху. Но эти господа не пожелали играть роль ширмы — они рьяно принялись за дело, и вскоре миссия Полины оказалась под угрозой срыва. А как отвлечь внимание мужчин? Только заставив их соперничать друг с другом за любовь прекрасной женщины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2020
© Оформление.
ISBN 978-5-04-110031-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

*Этюд в разноцветных тонах. —
Неожиданная встреча старых знакомых. —
Невыразимые страдания одного кресла. — По-
лет гусара и прискорбный конец вкуснейшего
бланманже.*

Как известно, грусть бывает разного цвета. Есть светлая печаль — легкое и незамутненное чувство, которое порою навещает нас в прелестные осенние дни. Есть черная меланхолия, змеей обвивающая сердце и не дающая даже вздохнуть свободно. И, наконец, есть зеленая тоска, при которой хоть волком вой — все едино.

В тот миг, когда начинается наше совершенно правдивое повествование, Владимир Сергеевич Гиацинтов пребывал именно в зеленой тоске, для которой, надо сказать, у него имелись все основания.

Владимир Гиацинтов был молод, отменно хорош собой, отличался завидным здоровьем и непринужденными манерами. И несмотря на все это, он был чудовищно, невероятно несчастен. В волнении покусывая пальцы, он съезжился на пыльном стульчике в приемной военного министра Чернышёва и ждал решения своей участи. Величественные лакеи, скользящие по паркету, обливали мо-

лодого человека презрительно-жалостливыми взглядами, которых он, однако, почти не замечал.

Его нервы были так напряжены, что он даже вздрогнул, когда внезапно отворилась входная дверь и в приемную протиснулась еще одна фигура. Это был, судя по его выправке, офицер лет двадцати семи или около того, одетый в партикулярное платье. Войдя, он покрутил головой, смущенно прочистил горло и пригладил темные пышные усы. Широкоплечий, массивный и при этом очень высокий, он словно заполнил собою всю приемную, отчего сразу же стало казаться, что в просторном полупустом помещении слишком мало места. Тяжело ступая, незнакомец приблизился к Владимиру, который в изумлении приподнялся с сиденья ему навстречу.

— Ба, Антон Григорьевич! Вот так встреча! Какими судьбами?

— Ну, я что... — забормотал здоровяк, крепко пожимая тонкие пальцы Гиацинтова, которые почти полностью утонули в его могучей длани. — Прибыл, гм... По высокому приказу. — Он выразительно покосился на дверь кабинета военного министра, по обеим сторонам которой наподобие часовых вытянулись в струнку два лакея, и опустился в кресло рядом с Владимиром.

Несчастное кресло, которое за время своего существования видело всякие зады — и чугунные, объемистые, и обыкновенные, ничем не выдающиеся, и хлипкие, отошавшие от беспорочной службы государю, — издало протестующий скрежет и зашлось в предсмертном хрипе. Гигант насупился и, поерзав на сиденье, кое-как примостился на его краешке.

— Ну а ты как? — спросил он у Гиацинтова.

На лицо Владимира набежало облачко.

— А я... — Молодой человек развел руками и выдал из себя мученическую улыбку. — Я тут тоже по высокому приказу, да.

— Ишь ты! Небось к очередной награде представляют? — осведомился его собеседник с ноткой зависти в голосе, дернув себя за ус.

— Какое там! — тоскливо ответил Владимир. Он оглянулся, не слышит ли их кто, и понизил голос. — Чувствую я, придется мне сегодня того, брат Балабуха. В крепости ночевать.

Балабуха так удивился, что даже выпустил свой ус.

— Да ну? Так ты что, проштрафился?

— То-то и оно, — вздохнул Гиацинтов. — Все документы потерял, все! А в них... — Он с горечью махнул рукой. — Документы-то были вовсе не простые! Так что придется мне за них отвечать по полной. А у тебя как дела?

Гигант засмутился, закручинился и порозовел лицом.

— Да что у меня... — невнятно пробубнил он. — Плохо все, брат Владимир Сергеич! — в порыве отчаяния выпалил он. — Так что по всему выходит, будем мы скоро с тобой в соседних казематах сидеть.

— В самом деле? — ахнул Владимир. — Так ты что, тоже... не справился с поручением?

Балабуха тяжело вздохнул и принялся выщипывать свой второй ус.

— Не гожусь я для этой службы, — жалобно промолвил он наконец. — Ну совсем не гожусь, Владимир Сергеевич! Больно все в ней, зараза, хитро устроено. Не разберешь, где друг, а где враг, кто врет, а кто правду говорит. Я как того немца за горло взял, так и придушил его немножко. Ну, самую малость. Думаю, сейчас ты у меня быстро со знаешься, щучий сын, кто тебя к нам заслал и за-

чем. А немец оказался никакой не иностранный эспьон¹, а наш же собственный осведомитель. А я его, значит, за горло. Да!

— До смерти придушил? — с трепетом спросил Гиацинтов.

— То-то и оно, что нет, — отозвался Балабуха уныло. — Настоящего-то гада-лазутчика я проворонил, а этот, фон Книппер, чтоб ему пусто стало, накатал на меня здоровенную реляцию куда следует. Даже и подумать теперь боюсь, что будет. Это ведь у меня не первая неудача вовсе.

— У меня тоже, — заметил Владимир, ощущая внезапный прилив симпатии к этому огромному чудаку. — Зря я доверился в прошлый раз той женщине, зря. Это ведь она мне снотворное в вино подсыпала, как только я отвернулся. Больше просто никто не мог этого сделать.

— Я как-то тоже на таком деле обжегся, — доверительно признался Балабуха. — И меня, кстати, тоже баба вокруг пальца тогда обвела, чтоб ей пропасть.

И они стали вполголоса обсуждать свои неудачи, где неизменно фигурировали секретные поручения, засады, не предназначенные для чужих глаз документы, двуличные красавицы, стычки, попытки подкупа и обманщики всех мастей. Ибо по профессии наши собеседники были офицерами Особой службы, которую незадолго до того создали специально в помощь разведке. Подразумевалось, что Особая служба будет брать на себя те миссии, которые связаны с чрезвычайными рисками и опасностями, то есть задания повышенной сложности. Для таких заданий, конечно, следовало искать людей, до мозга костей преданных отечеству, а кроме того, рискованных, дерзких, храбрых и умных.

¹Шпион (*франц.* espion).

Вполне естественно, что если служба именуется Особой, то и служить в ней должны лишь особые, исключительные люди.

Увы, нигде теория и практика так не расходятся, как в Российской империи, и ни в одной стране мира самые благие замыслы не оборачиваются такой чепухой, что даже молвить стыдно. Конечно, поговорка о дороге сами знаете куда и благих намерениях, которыми она вымощена, имеет вроде бы универсальный характер, но российский ад, куда ведут российские благие намерения, должно быть, создавался по особой мерке, с особым вкусом и фантазией, и таким чертом, который не пожалел для этого ни времени, ни сил.

Словом, когда военный министр дал поручение искать для новоиспеченного ведомства сотрудников среди зарекомендовавших себя военных, выяснилась поразительная вещь: все, кто более или менее подходил для секретной работы, были позарез нужны на местах, а те, кого полковое начальство соглашалось отпустить в столицу, обладали какими угодно качествами, кроме тех, которые могли пригодиться в Особой службе. Проще говоря, графу Чернышёву норовили всучить всякий хлам, как в мелочной лавке, где торгуют залежавшимся товаром. Не помогали ни приказы, ни распоряжения, ни увещевания, ни взывания к патристическому долгу и верности царю и отечеству. На словах все заверяли министра, что немедленно!.. срочно!.. сей же час предоставят в его распоряжение лучших, проверенных, надежнейших офицеров. На деле к нему присылали тех, от кого давно хотели избавиться: скандалистов, записных шулеров, несчастливцев, чем-либо запятнавших свою честь, и так далее. А так как люди Особой службе были нужны позарез, приходилось поневоле выби-

рать из того, что оказывалось в наличии в настоящий момент. Так сказать, брать лучшее из худшего.

В конце концов граф Чернышёв, как умный человек, нашел выход из сложившегося положения и даже ухитрился обернуть к своей пользе многочисленные недостатки своих будущих сотрудников. Тем, кого он все-таки принял в Особую службу, он давал понять, что недремлющее отечество дает им шанс искупить свою вину, мнимую или истинную. Ведь, не будь Особой службы, они угодили бы в крепость, а не то с треском были бы разжалованы и вовек опозорены. Кроме того, граф не стеснялся намекать, что если его подопечные окажутся не на высоте, им до конца своих дней придется обживать шлиссельбургские или иные казематы, а не то сменить место жительства на места, чрезвычайно отдаленные от обеих столиц.

По мысли находчивого графа, человек, оказавшись под угрозой заточения либо ссылки, неминуемо должен был проявить — и проявлял — чудеса находчивости, лишь бы только выполнить данное ему поручение. Однако, как уже известно читателю, не все офицеры Особой службы оказывались настолько расторопными, и поэтому Гиацинтов с Балабухой, по несчастливому стечению обстоятельств провалившие все свои миссии, имели все причины опасаться для себя самого худшего.

Почти смирившись с неизбежным, они сидели и, вздыхая, толковали о преимуществах различных крепостей и их влиянии на моральный дух узников. Вскользь были также упомянуты Сибирь, отправка на Кавказ рядовым и лишение дворянского состояния. Впрочем, Балабуха склонялся к тому, что жить можно везде, и даже в Сибири, где тоже имеются люди, и ничего, существуют же как-то. Владимир не соглашался с ним, утверждая, что жить и просто существовать — вещи разные и во-

обще жизнь без свободы в принципе не имеет смысла. После чего они стали перечислять известных им товарищей по Особой службе, большинство из которых оказались весьма удачливы на новом поприще, и незаметно погрузились в воспоминания о прошлом и о том, каким образом сами Гиацинтов и Балабуха попали сюда. Именно в обстоятельствах зачисления с наибольшей полнотой нашли свое выражение характеры наших героев.

Красивый, изящный, с тонкими чертами лица, Владимир Гиацинтов по натуре был неисправимым мечтателем, романтиком, смотревшим на мир широко распахнутыми глазами. Циничный мир, многое перевидавший на своем веку, смотрел на Гиацинтова как на восторженного простачка и даже хуже — дурачка, которого грех не обмануть. Поручик Ростислав Никандрович Телепухин оказался вполне достойным представителем этого мира. Сначала он пил за счет Гиацинтова, громогласно величал его своим другом и снисходительно хлопывал по плечу. Вероятно, молодой идеалист сильно удивился бы, узнав, как за спиной «лучший друг» Телепухин передразнивает речь Владимира, его манеры и поведение на потеху товарищам по казарме. Но Гиацинтов ничего не замечал и ничего не заподозрил даже тогда, когда однажды ночью друг ввалился к нему с подозрительно блестящими глазами и стал плести какую-то наскоро сочиненную историю о невесте, на которой он, Телепухин, мечтает жениться. Только вот беда, умильно продолжал поручик, косясь на приятеля, ее родители — жмоты, каких свет не видел, и требуют предъявить доказательства того, что будущий зять не бедствует и, если понадобится, сумеет прокормить и ее, и себя.

— Ты не знаешь, дружище, у кого бы я мог занять пачку ассигнаций хотя бы на часочек? — спросил Телепухин ласково. — Мне бы только показать старому хрычу денежки, а потом я их верну. Пропадаю я, понимаешь, без моей Людмилы!

По любопытному совпадению, у Гиацинтова как раз в тот момент имелась солидная пачка ассигнаций, с которой он должен был завтра ехать в город и закупать лошадей для драгунского полка, в котором служил. Еще более любопытным совпадением является то, что коварный Телепухин был прекрасно осведомлен об этом обстоятельстве.

— Видишь ли, — несмело сказал Владимир, — у меня есть деньги, но они все-таки казенные, сам понимаешь...

Поручик скроил разочарованную мину и направился к двери.

— Я понимаю, — заявил он от порога, — что я тебе более не друг, вот что! Ты мне доверяешь? Доверяешь или нет? Какой же ты друг, в самом деле! Сидит и держится за какие-то жалкие ассигнации, тьфу! — и Телепухин смачно плюнул. — Смотреть противно!

Нет ничего удивительного в том, что после таких доводов Гиацинтов поддался на уговоры и, устыдившись своей недоверчивости, отдал лучшему другу все деньги, после чего тот в одну ночь спустил всю сумму хорошо известному игроку господину Полторацкому. Само собою, что ни о какой невесте речи не шло — упоминание о ней было лишь предлогом, чтобы выманить деньги у романтика Гиацинтова.

Просадив 2000 рублей за одну ночь, Телепухин поначалу пал духом, ибо вовсе не рассчитывал на такой расклад. С точностью до наоборот он непременно должен был выиграть, потому что была среда, а Телепухин как раз родился в среду, стало

быть, звезды были обязаны ему благоприятствовать. Но хваткий господин Полторацкий, вероятно, родился под какой-то совершенно особой звездой, перед которой все расчеты Телепухина оказались бессильны. Рассерженный проигрышем, Телепухин отправился к себе, и на обратном пути ему в голову пришла совершенно замечательная мысль. Во-первых, он проиграл не свои деньги, а Гиацинтова. Во-вторых, раз так, то можно считать, что он, Телепухин, вообще ничего не проиграл. И, в-третьих, раз это деньги Гиацинтова, то пусть он за них и отдувается. Нечего было казенные финансы давать кому ни попадя, сам виноват!

— И вообще, — рассудил Телепухин, — Володька должен меня благодарить за то, что я ему, каналье, хороший урок преподавал. А то бы все так и обжуливали его, чисто как младенца какого-то.

И с этой мыслью Телепухин уснул, причем спал как раз сном младенца.

Когда через пару дней Владимир все-таки подошел к нему и робко намекнул на то, что пора-де и отдавать долг, а то полковой командир сердится, отчего он, Гиацинтов, все не едет за лошадьми, Телепухин сделал большие глаза.

— Какие деньги? Господа, помилуйте! Я у него ничего не брал! Чего он от меня хочет?

Владимир побледнел, покраснел, напомнил про невесту поручика Людмилу и ее прижимистых родителей, но Телепухин поднял его на смех, а когда Гиацинтов стал настаивать и угрожать жалобой командиру, только насмешливо улыбнулся.

— Валяй, душа моя! Никаких свидетелей у тебя нет, и ничего ты не докажешь. И вообще это странно: ты растратил деньги, а я должен отвечать! С какой стати?

Офицеры, прекрасно знавшие, что Телепухин — негодяй, тем не менее стали на его сторону, следуя

излюбленному русскому принципу «не пойман, не вор». Видя, что все оборачивается против него, Владимир отправился к полковому командиру и без утайки поведал ему о случившемся. Командир вызвал Телепухина для объяснений, но тот нагло лгал и все начисто отрицал. Более того, он не постеснялся заявить, что Гиацинтов частенько играл в карты (тогда как тот не пил, не курил и к картам даже не прикасался) и, мол, он наверняка и продул полячишкам все казенные деньги.

Гиацинтову грозил суд за растрату. Не вынеся позора и особенно предательства человека, которого он всерьез считал своим другом, Владимир хотел застрелиться. Он даже оставил подобающую случаю записку (на сочинение шести строк в должном тоне — сдержанном, благородном, не плаксивом и не жалостливом — ушло аж двадцать три минуты и семнадцать страниц черновиков) и положил ее на стол, на самое видное место. Но, едва молодой человек приставил пистолет к виску и взвел курок, в дверь постучала судьба. В этот раз она приняла облик веснушчатого денщика Васьки, который без всяких околичностей сообщил, что командир вызывает Владимира Сергеевича к себе. Именно от командира Гиацинтов узнал, что, так как его дальнейшее пребывание в полку является решительно невозможным, его направляют в Петербург для определения в Особую службу, находящуюся в ведении военного министра графа Чернышёва. Полковой командир заверил молодого человека, что ему представляется исключительный случай исправиться и он, командир, надеется, что тот сумеет оправдать его доверие, а также доверие министра.

Увы, как мы видим, ни пребывание в службе, ни жизненные коллизии ничему не научили Владимира. Он по-прежнему оставался искренним, чистосердечным, романтическим мечтателем, что

очень сильно вредило ему в нелегкой работе. В каждой мало-мальски привлекательной женщине он видел королеву, а в каждом случайном знакомом — задушевного товарища. Неудивительно поэтому, что все деликатные миссии, которые были ему поручены, неизменно завершались провалом.

Что же до Антона Григорьевича Балабухи, то он во всем являлся полной противоположностью своего товарища. Если Владимир, существо воздушное, все время витал в облаках, то огромный силач Балабуха, казалось, был сделан из камня, но зато из самого лучшего. Он был надежен, как скала, и на него всегда можно было положиться. Вдобавок он по природе отличался недоверчивостью, туго сходил с людьми, не болтал лишнего даже во хмелю и всем словам на свете предпочитал золотое молчания. Казалось бы, лучшей кандидатуры в секретные агенты трудно найти, но увы! В голове Балабухи, столь значительной по своему объему, помещалась, похоже, всего одна извилина. Если туда попадала какая-нибудь мысль, то она так и застревала там, лишенная возможности двигаться и развиваться, хотя именно это как раз и составляет отличительную черту всякой мысли. Так, например, произошло в тот раз, когда Антоша — в ту пору еще капитан артиллерийской бригады — увидел восемнадцатилетнюю кокетку Наденьку Грушечкину. Бедному Балабухе показалось, что в него ударила молния. Он влюбился раз и навсегда, окончательно и бесповоротно, а влюбившись, решил, что ему необходимо во что бы то ни стало жениться. Такой уж это был неправильный век: если мужчина влюблялся, то он женился и не говорил, что брак — это фи и отживающая свое условность.

И Балабуха начал осаду прекрасной Надин, ее маменьки, папеньки, дядюшек и тетушек по всем